

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В. ВИНОГРАДОВА**

На правах рукописи

Брайнина Татьяна Давидовна

**АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ СЛОВА
КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ САШИ СОКОЛОВА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 2006

Работа выполнена в отделе стилистики и языка художественной литературы Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Научный руководитель – доктор филологических наук

Наталья Алексеевна Кожевникова

Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор

Алексей Дмитриевич Шмелев

– кандидат филологических наук, доцент

Ольга Валериевна Евтушенко

Ведущая организация кафедра русского языка и литературы

Московского государственного

университета сервиса

Защита состоится « ____ » _____ 200 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 002.008.01 при Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, ул. Волхонка, 18/2).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Автореферат разослан « ____ » _____ 200 г.

Ученый секретарь диссертационного совета:

кандидат филологических наук

Б.Л. Иомдин

Актуальность темы. Актуальность изучения индивидуального стиля Саши Соколова определяется тем, что произведения этого писателя занимают особое место в современной русской литературе из-за характерного для них языкового новаторства, множественности приемов языковой игры, изощренности формы, связанных со спецификой художественного мировоззрения автора.

В работах М.Н. Липовецкого, В.П. Руднева, И.С. Скоропановой, посвященных исследованию современной русской литературы, Саша Соколов представлен как «ключевая фигура» русского постмодернизма.

Оригинальность языка и сложность художественной формы его произведений были отмечены многими писателями, критиками и литературоведами (В. Набоковым, Н. Берберовой, Т. Толстой, А. Битовым, Вик. Ерофеевым, О. Дарком, П. Вайлем, А. Генисом, М. Липовецким, Д. Бартоном Джонсоном и др.).

В произведениях Саши Соколова благодаря разнообразным приемам языковой игры слово становится точкой пересечения нескольких смыслов, ассоциативно связанных с его звуковой оболочкой. Непредсказуемость значений слов в романах этого писателя, влияние на них различных ассоциаций рождает новые образы, приводят к бесконечным метаморфозам образов.

Исследование данного идиостиля тесно связано с актуальной в современной лингвистике темой языковой игры. В работах М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой, Е.А. Земской, Е.П. Ходаковой, А.А. Щербины, Ю.И. Левина, Е.В. Падучевой, Э.М. Береговской, Б.Ю. Нормана, С.И. Походни, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, Т.А. Гридиной, В.З. Санникова, Н.А. Николиной и др. языковая игра рассматривалась как богатый материал для иллюстраций ряда положений лингвистики, а также как широкое поле для сознательного экспериментирования, манипулирования языком, помогающего открыть новые возможности использования языковых средств, особое значение при этом придавалось языковой игре в художественном произведении.

Таким образом, изучение индивидуального стиля Саши Соколова, в творчестве которого наиболее ярко проявилось стремление к языковой игре и языковому экспериментированию, является особенно актуальным.

Цель и задачи диссертации. Целью диссертации является изучение наиболее характерных черт индивидуального стиля Саши Соколова, произведениям которого свойственна тесная связь между художественным образом и комплексом ассоциаций, вызываемых словом.

Ассоциации между словами часто направляют мышление повествователя в романах Саши Соколова и оказывают влияние на обобщение им различных впечатлений. На основе этих ассоциаций в сознании повествователя формируются личностные смыслы слов, определяющие их значения в романе.

В связи с этим основными задачами диссертации являются:

- исследование языковых средств создания образа повествователя;
- изучение факторов, определяющих семантические преобразования слова в контексте романов Саши Соколова;
- изучение основных приемов языковой игры, характерных для данного идиостиля; анализ наиболее близких им приемов языковой игры в произведениях других русских писателей-постмодернистов;
- анализ языковых экспериментов Саши Соколова и, в частности, создания окказионализмов;
- изучение интертекстуальных связей произведений писателя;
- исследование роли ассоциативных связей слов в формировании художественного образа в романах Саши Соколова; анализ языковых средств создания многозначного и неопределенного образа.

Научная новизна исследования. В данной работе предпринята попытка провести анализ индивидуального стиля Саши Соколова на основе исследования трех романов: «Школа для дураков», «Между собакой и волком» и «Палисандрия». Используются также его эссе: «Тревожная куколка», «Общая тетрадь, или групповой портрет СМОГа», «Знак озаренья». Впервые проведен подробный анализ приемов языковой игры и языковых экспериментов, характерных для произведений этого автора, выявлены интертекстуальные связи романов и эссе Саши Соколова, проанализирована эволюция идиостиля писателя.

Методологическая основа. В работе над диссертацией автор опирался на методологические принципы изучения индивидуального стиля, разработанные в трудах В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.П. Григорьева, Н.А. Кожевниковой и др.

Идиостиль писателя рассматривается в системно-диахроническом аспекте. Анализ основных стилистических средств, характерных для произведений Саши Соколова соотнесен с эволюцией авторского стиля, с развитием постмодернистских тенденций в его творчестве.

Описывая средства создания образа повествователя, автор диссертации опирался на исследования М.Н. Липовецкого и И.С. Скоропановой, в которых затрагивалась проблема образа повествователя в произведениях русского постмодернизма. Были использованы также работы И.П. Ильина по проблеме речевой коммуникации в произведениях писателей-постмодернистов.

При анализе приемов языковой игры, основанной на паронимической аттракции и актуализации омонимии, использовались работы В.П. Григорьева, Д.Н. Шмелева, Н.А. Кожевниковой, З.Ю. Петровой, О.И. Северской, Т.А. Гридиной, В.З. Санникова, А.Г. Лыкова.

Различные приемы обыгрывания междусловных фоносемантических отношений, окказиональное словотворчество рассматриваются с точки зрения возможностей манипулирования языком, а также с точки зрения влияния этих приемов на создание художественного образа.

В исследовании характера формирования слов-символов в романах Саши Соколова помогли также труды М.Ю. Лотмана, З.Г. Минц, Н.А. Кожевниковой, в которых рассматривалась проблема слов-символов в произведениях символистов.

При изучении текстов писателя с точки зрения проявления в них постмодернистских тенденций: мозаичной цитатности, игры означающими, принципа нонселекции, – анализировались работы теоретиков постмодернизма Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж. Дерриды, а также исследования Д. Лоджа и Д. Фоккемы, посвященные проблеме организации постмодернистского текста.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней содержится подробное описание индивидуального стиля писателя, в языке которого проявилась интеграция модернистского и постмодернистского методов.

Разработаны способы анализа постмодернистского текста, позволяющие выявить обусловленность языковых особенностей произведений мировоззрением автора.

Показано влияние собственно языковых факторов на формирование и развитие ключевых образов произведений писателя.

Практическое применение работы. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в учебных пособиях, посвященных языку современной художественной литературы, для высших учебных заведений, при чтении спецкурсов по литературе русского зарубежья, при проведении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных актуальным проблемам стилистики постмодернистской литературы.

Апробация работы. Основные положения настоящей диссертации обсуждались на заседаниях Отдела стилистики и языка художественной литературы (май 1995 г., апрель 2000 г., ноябрь 2004 г.). По проблематике диссертации были сделаны доклады на Методическом семинаре на кафедре русского языка в Московском государственном университете прикладной биотехнологии (Москва, 1994 г.), на международной конференции «Семантика слова, образа, текста» (Северодвинск, 1995 г.), на конференции молодых ученых России «Теоретические и прикладные аспекты риторики, стилистики и культуры речи» (Екатеринбург, 1995), а также на межвузовской научно-практической конференции «Художественный текст: варианты интерпретации» (Бийск, 2005).

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. Общий объем 216 страниц, библиография насчитывает 168 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснован выбор темы исследования и ее актуальность. Сформулированы цель и задачи диссертации. Раскрывается методологическая основа и научная новизна, а также практическая значимость работы.

Первая глава посвящена основным чертам индивидуального стиля Саши Соколова.

Отмечается, что перед исследователями творчества Саши Соколова всегда стоит вопрос о соотношении черт модернизма и постмодернизма в его

творчестве. Часть исследователей (М.Ю. Егоров, М.Л. Кременцова) вслед за М.Н. Липовецким относят писателя к числу постмодернистов, но большинство авторов (В.П. Руднев, В. Казак, И.С. Скоропанова, И.В. Азеева) считают подлинно постмодернистским только роман «Палисандрия», а в первых двух романах отмечают сочетание элементов модернистской и постмодернистской поэтики.

Черты, присущие литературе постмодернизма, обнаруживаются во всех произведениях Саши Соколова: наличие «недостоверного» повествователя, присутствие нескольких версий событий, в которых проявляется характерная для постмодернизма ризоматичность¹; наличие двойников персонажей, неопределенность их личностей и сомнительность самого их существования; децентрация, хаотичность и фрагментированность повествования; наконец, активизация интертекстуальных связей, пародирование авторитетных текстов, смешение различных стилей и стилистических единиц.

Вместе с тем в индивидуальном стиле Саши Соколова проявляется значительное влияние модернистской литературы – литературы потока сознания (джойсо-прустовского направления).

Наиболее характерными для всех произведений писателя являются приемы потока сознания и актуализации ассоциативных связей слов. Эти приемы образуют неразрывное единство, так как именно спецификой потока сознания определяется особая роль ассоциативных связей слов в романах и эссе Саши Соколова.

Для художественного мировоззрения писателя характерно понимание слова как «потока значений», ассоциативно связанных с определенной звуковой оболочкой. Это понимание выражается, прежде всего, в актуализации омонимии, полисемии и паронимии, а также в создании слов-символов, имеющих несколько определенных значений, перетекающих друг в друга.

¹ Ризома – фр. rhizome – специфическая форма корневища, не обладающая четко выраженным центральным подземным стеблем. Термин постмодернизма, обозначающий беспорядочное развитие множественности, движение желая, не имеющего какого-либо преобладающего направления, а идущее в сторону, вверх, назад, без регулярности, дающей возможность предсказать следующее движение. (Ильин И.П. Ризома // Современное зарубежное литературоведение. М., 1996. С. 226-227).

Актуализация ассоциативных связей слова и через них – ассоциативных связей его значений являются «стилистическим ядром» произведений Саши Соколова.

Три романа Саши Соколова «Школа для дураков», «Между собакой и волком», «Палисандрия» отличаются друг от друга, главным образом, характером формирования потока значений ключевых слов.

В первом романе, написанном от лица «ученика такого-то» – носителя детского сознания, – «поток значений» ключевых слов, которые здесь имеют характер символов, обусловлен множественностью и слитностью личностных смыслов, ассоциативно связанных в сознании повествователя с определенной звуковой оболочкой. Личностные смыслы определяются в этом романе единством отношения повествователя к ряду объектов и ситуаций, которым соответствуют разные значения многозначного ключевого слова. В сознании повествователя эти объекты и ситуации значительно трансформируются, в результате чего возникают новые значения слова-символа.

Осмысление «учеником таким-то» ключевых слов: «ветер», «ветка», «река», «мел», – раскрытие ассоциативной связи между их звуковой оболочкой и рядом образов сознания повествователя становятся основой содержания романа «Школа для дураков». Ассоциативные связи слов здесь играют роль содержательных связей; сюжет как таковой отсутствует – есть только набор ассоциативно связанных ситуаций, возникающих в памяти или в воображении повествователя.

Структура второго романа («Между собакой и волком») значительно отличается от первого. Здесь чередуются главы, изображающие поток сознания двух разных героев-повествователей, размышляющих о событиях своей жизни.

«Поток значений» слов-символов здесь не формируется постепенно в сознании кого-либо из повествователей, а оказывается уже сформированным и общим для них обоих. Значения этих слов могут быть раскрыты в одном бессвязном и алогичном предложении, в одной фразе первого повествователя и получить образное осмысление в монологе второго. Общность картины мира, выражающаяся в общности «нестандартного» понимания ключевых слов и фразеологизма («река», «Заволчье», «между собакой и волком») приводит к мысли о едином повествователе.

Вместе с тем нельзя сказать определенно, одно или два сознания представлены в романе, поскольку значения слов-символов не обусловлены здесь исключительно личным опытом кого-либо из повествователей. Эти значения связаны с глобальным образом мира, характерным для сознаний обоих повествователей: с представлениями о пространстве, времени, жизни и смерти.

Третий роман Саши Соколова «Палисандрия» представляет собой пародию на мемуары. Для стиля этого произведения более, чем для первых двух романов, характерна языковая игра (игра на омонимии, полисемии и паронимии). Актуализация диффузности значений ключевых слов демонстрирует путаницу в сознании графомана-мемуариста (повествователя). В основе образной системы третьего романа Саши Соколова лежит понимание истории как мифа (как цепи «непознаваемых происшествий»), которое выражается в актуализации диффузности значения слова «история» в начале романа и в искаженном воспроизведении известных событий, в смешении исторических лиц и литературных персонажей.

Если в романах «Между собакой и волком» и «Школа для дураков» на первый план было выдвинуто несоответствие нормативных значений ключевых слов и их личностных смыслов, то в «Палисандрии» подчеркивается потенциальная неопределенность, диффузность значений слов в языке, а соответственно, неопределенность понятий и представлений вообще.

Говоря об эволюции стиля Саши Соколова, следует отметить ослабление обусловленности значений ключевых слов психологией персонажа. При этом возрастает стремление объяснить субъективность индивидуального сознания противоречивостью языкового знака.

Характерное для Саши Соколова стремление к изображению независимой от действительности жизни языкового сознания, к демонстрации спонтанности изменения направления мыслей повествователей ослабляет сюжетные связи в его романах, делает повествование непоследовательным и запутанным.

Мотивировкой бессвязности повествования в романах становится безумие героя-повествователя. В связи с этим подробно исследуются приемы создания образа повествователя в романе «Школа для дураков» такие, как диалог повествователя со своим вторым «я», возможность для него называть себя ме-

стоимениями всех трех лиц (*я, мы, ты, он*), бессвязные перечисления разнородных объектов, монологи без знаков препинания.

Отмечается неопределенность личности повествователя, обусловленная как его болезненным сознанием (он страдает раздвоением личности), так и характерной для русского постмодернизма неопределенностью дистанции между автором и персонажем (Вен. Ерофеев «Москва–Петушки», Е. Попов «Душа патриота или Различные послания к Ферфичкину» и др.), в данном случае – героем-повествователем.

Интересны стилистические приемы сближения повествователя и автора в романах Саши Соколова – включение лирических отступлений, в которых по-разному демонстрируется неопределенность позиции говорящего; безумие повествователя здесь нейтрализовано, хотя сохраняются некоторые особенности его мышления. Для лирических отступлений в романе «Школа для дураков» характерно обилие назывных предложений, возрастает насыщенность текста паузами, почти исчезают глаголы («Сказка... Мечтательная пустота сердца, солнечного сплетения. Грусть всего человека.»). В романе «Между собакой и волком» глаголы в лирических отступлениях употребляются только в форме инфинитива («Жить; знать цену глубоким галошам в пору разлива глубоких и мелких рек», «Рисовать отдаленные силуэты сотрудников почт – почтальонов, охваченных отчаянием и листопадом»). Упомянутые приемы создают эффект «мерцания автора», о котором подробно говорит М.Н. Липовецкий¹ в своей работе о русском постмодернизме.

Приемы создания образов повествователей в романах «Школа для дураков» и «Между собакой и волком» рассматриваются с точки зрения проявления в них характерных для постмодернистской литературы тенденций. Отмечается, что игровой принцип построения текста, характерный для произведений постмодернистских авторов, часто базируется на различных способах создания эффекта обманутого ожидания и изменения процесса чтения (например, отказ от знаков препинания или отсутствие интервала между словами).

¹ Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики. Екатеринбург, 1997. С. 13.

На достижение эффекта обманутого ожидания могут быть направлены как использование атопоконструкций¹, т.е. словесных рядов, члены которых семантически несовместимы (например, бессвязных перечислений, характерных для речи повествователя в романе «Школа для дураков» Саши Соколова), так и другие способы алогичного построения текста, в частности, прием построения условия задачи (или загадки), часто используемый Вен. Ерофеевым в поэме «Москва–Петушки»: этот прием связан с многократной сменой темы и внезапным переключением ассоциаций повествователя.

Спонтанный монтаж цитат, вырванных из разных по культурной значимости текстов, трансформация, «дописывание» или иронические «пересказы» известных стихотворений, характерные для постмодернистской литературы, также часто направлены на создание эффекта обманутого ожидания.

В первой главе диссертации подробно рассматриваются цитаты и пародии в произведениях Саши Соколова. Отмечается, что мозаичная цитатность способствует созданию повествовательного хаоса: цитаты часто включаются в перечисление и демонстрируют спонтанность изменения направления мыслей повествователя. Вместе с тем разнообразие цитируемых текстов отражает сложность, неоднородность образа повествователя, неопределенность дистанции между ним и автором. Это еще один способ построения игровых отношений между автором и читателем, «мерцание автора», проявляющееся на разных уровнях текста.

При анализе интертекстуальных связей отмечается также обращение разных постмодернистских авторов к одним и тем же произведениям, именам, авторитетам: в частности, для текстов Саши Соколова и Вен. Ерофеева характерно ироническое переосмысление библейских притч, включение трансформированных цитат и аллюзий к произведениям А.Н. Радищева, М. Горького, Б.Л. Пастернака. Цитаты из произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, помимо Саши Соколова, широко используют такие писатели и поэты-постмодернисты, как А. Битов, Ю. Малецкий, В. Пелевин, Л. Рубинштейн, А. Еременко и др.

¹Левин Ю.И. «О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах»// Структурная типология языков. М.: Наука, 1966. С. 214.

Здесь также проанализированы интертекстуальные связи между романами и эссе Саши Соколова, описаны используемые способы преодоления возможного «коммуникативного провала»: объяснение авторских установок и некоторых черт персонажей в эссе и речах, являющихся неотъемлемой частью творчества Саши Соколова.

Вторая глава посвящена основным приемам, определяющим семантические преобразования слов в романах Саши Соколова: актуализации паронимии¹, формированию контекста, способствующего реализации диффузных значений многозначных слов и омонимов, а также созданию новых, окказиональных, значений слов, основанных на переосмыслении их внутренней формы.

Актуализация паронимии в прозе Саши Соколова чаще всего связана со звуковыми повторами, которые могут быть обусловлены смысловым сходством паронимов («прозрачно, а то и призрачно») или их семантической противоположностью («в скитальческих суммах и в иудиных суммах»); в обоих случаях происходит выявление и усиление дифференциальных признаков, общих для обоих паронимов.

Иногда для автора важнее семантических преобразований оказываются мелодия фразы, ритмическое или звуковое совпадение каких-либо слов и словосочетаний.

Особенно важными эти факторы становятся в тех отрывках текста, где присутствуют длинные, монотонные перечисления.

Наличие таких перечислений является одной из характерных черт стиля романа «Школа для дураков». При помощи перечислений передается описание различных объектов. Чем более конкретным представляется объект повествователю, тем более подробным является его описание, тем более информативным оказывается перечисление. С другой стороны, чем более абстрактным является предмет описания, чем более обобщенным или символическим представляется образ, тем больше в его описании появляется паронимов, звуковых повторов, тем более явным становится ритмический рисунок.

¹Под паронимией мы понимаем звуковое сходство разнокорневых и однокоренных слов. К паронимам мы относим любые сходно звучащие слова, объединенные тождеством двух и более согласных.

Паронимы в этом случае сообщают тексту особую музыкальность и демонстрируют ассоциативную связь элементов текста, что помогает создать общее представление об объекте, передать атмосферу, связанную с ним в сознании повествователя.

Часто паронимы используются также для создания иллюзии спонтанности речи повествователя, особенно в тех случаях, когда допускаются «ошибочные» замены одних паронимов другими: «Мы работали... истопниками, зачинщиками, вернее – заточниками, а точнее – точильщиками карандашей. Мы работали там и тут, здесь и там – повсюду, где была возможность наложить, то есть приложить руки»; «в скромном будущем» (скором); «прорухи образования» (прорехи); «химически... засмеялся» (гомерически); «будденброки с икрой» (бутерброды), «поверх вольеров» (барьеров). Иногда паронимическая аттракция и просто созвучие становятся основой создания окказионализмов, которые замещают «исходные» слова, связанные с ними звуковым сходством и семантически: «болекровие» – вместо «белокровие»; «ослепью» – вместо «ощупью»; «попранные вольготы» – вместо «попранные вольности (льготы – вольготная жизнь)».

Почти всегда актуализация паронимии, омонимии и полисемии является средством создания комического эффекта – так проявляется установка на «игру с языком», характерная для этого писателя.

Различные языковые эксперименты Саши Соколова, в основе которых лежит актуализация диффузности значений многозначных слов (ассоциативное наложение), обычно образуют группы, объединенные определенными принципами и моделями.

Одним из приемов актуализации диффузности значений многозначных слов в произведениях Саши Соколова является формирование контекста, содержащего в себе грамматические ассоциации, реализующие разные значения многозначного слова или омонимов и представляющего собой описание ситуаций, соответствующих всем возможным толкованиям:

осыпать, брать, отцветать - (речь «от лица» ветки акации) «Осыпьте меня совсем осыпьте же поцелуями... берите меня берите я все равно отцветаю это совсем не дорого»;

распустить – «...монастыря, более или менее распущенного...».

Этот прием может быть связан и с созданием новых, окказиональных значений слов на основе актуализации внутренней формы слова или контаминации устойчивых сочетаний:

взвинтить – (перед самоубийством) «Он взвинтил себя винтовой внутрибашенной лестницей до отказа»;

привести – «стремглав приведите себе на память, а то и в гостиную, это неимоверно взвинченное действующее лицо».

В результате ассоциативного наложения актуализируются дифференциальные признаки, общие для разных значений слова, происходит слияние различных смыслов слова, что приводит к определенности высказывания, хотя и неполной, при сохранении эффекта «мерцания смыслов».

Возможна также реализация лишь одного из значений многозначного слова (или одного из омонимов) при сохранении оттенка другого значения.

Наиболее интересной в этой группе «экспериментальных» словосочетаний и высказываний является повторяющаяся модель: признак предмета, выраженный прилагательным + определяемое существительное (многозначное) + признак предмета, выраженный существительным (или существительным с зависимым словом), – причем каждый признак соответствует только одному из значений определяемого существительного (или существительных-омонимов), например:

роман – «от бульварных романов твоих с лакеями и фореяторами»;

ветер – «мусорный ветер радужных перемен» («Мусорный ветер» - название рассказа А.П.Платонова);

сетка – «в паучьих сетках учебных часов»;

Очевидно, что во всех этих случаях реализуется такое значение слова, которое соответствует реакции, выраженной существительным; признак, выраженный существительным, оказывается в смысловом отношении «сильнее» признака, выраженного прилагательным, т.е. реализуются следующие значения: роман – любовное приключение; ветер – новое направление общественного развития; сетка – таблица.

В романе «Палисандрия» взаимодействие значений многозначных слов и омонимов получает образное осмысление. Противоречия между этими значениями становятся базой для создания пародийных образов.

При помощи актуализации полисемии слова "история" в начале романа обосновывается представление об истории как о мифе, которое подтверждается описаниями невероятных событий, будто бы имевших место в прошлом, смешением фактического и воображаемого.

Игра на омонимии и полисемии лежит также в основе изображения в «Палисандрии» политической жизни как балагана и политических деятелей как актеров. Это обусловлено актуализацией ассоциативных связей между словами «ложа» и «занавес», являющихся названиями предметов театрального интерьера, и словосочетаниями «масонская ложа» и «железный занавес», которые представляют собой названия реалий общественной и политической жизни.

В романе «Палисандрия» особое значение приобретают окказиональные омонимы, возникающие на основе произвольного переосмысления внутренней формы слов. Сопоставление (или «сложение») первоначального и окказионального значений омонимов-неологизмов является отправной точкой развития гротесковых образов, объединяющих в себе часто несовместимые черты, коррелирующие с различными значениями преобразованного слова.

Так например, переосмысление слова «часовщики» (временщики) является поводом к созданию образа «Ордена часовщиков» (временщиков), члены которого заботятся о часах на Спасской башне (аллюзия к пьесе «Кремлевские куранты» Н.Ф. Погодина).

Формальное, звуковое совпадение слов и несхожесть означаемых, очевидное при актуализации омонимии, является не только средством установления ассоциативной связи между означаемыми, но и свидетельством «отрыва» знака от означаемого, произвольности, необязательности связи между ними, необязательности значения. Демонстрацией этого «отрыва» в романе «Школа для дураков» объясняется «переосмысление» звукоподражаний, максимально связанных с означаемым: автор соотносит одно и то же звукоподражание с несхожими звуками и пытается придать им семантику, сделать звукоподражания омонимами; с другой стороны, он использует различные высказывания в функции звукоподражаний. Например, фраза: «Тра-та-та: навывлет!» – используется

для изображения стука швейной машинки и стука каблучков. В обоих случаях за изображением этих звуков стоит метафора – сравнение с пулеметной очередью, на что указывает присутствие слова «навывает».

Помимо звукоподражаний, в той же роли здесь могут выступать значимые части речи, целые монологи (бессвязный монолог, изображающий стук колес поезда) и даже диалоги («Та ли? Та. Та ли? Та.» – изображение стука каблучков).

Третья и четвертая главы посвящены приемам создания образов сознания повествователя на основе актуализации ассоциативных связей слов.

В третьей главе рассматриваются приемы создания слов-символов. Словами-символами в данном случае мы называем такие слова, значения которых складываются в результате поэтического осмысления единства ряда их значений, существующих в языке или ассоциативно связанных с ними в литературных произведениях, а также новых смыслов этих слов, возникающих под влиянием контекста романа.

Значения этих слов представлены автором как совокупность личностных смыслов, связанных с определенной звуковой оболочкой в сознании повествователя.

Отличие слов-символов в романах Саши Соколова от подобных образов в поэзии символистов состоит в том, что расширение значения художественного слова происходит не столько на основе «видения» в называемых им предметах «тайного», мистического содержания, сколько благодаря творческому характеру мышления персонажа, устанавливающего новые «тайные» связи между образами собственного сознания, называя их одним именем и осознавая их как некое единство.

В романе «Школа для дураков» значение слова-символа чаще всего формируется во вставной главе, в лирическом отступлении или в монологе одного из главных героев. Здесь слово-символ получает образное осмысление, основанное на уже существующих в языке ассоциациях, связанных с ним. Затем данное слово приобретает новые оттенки значения и синонимы под влиянием контекста романа в целом.

Формирование важнейшего слова-символа «ветка» связано с реализацией метафоры, заключенной в выражении «железнодорожная ветка», и образным

осмыслением единства прямого и переносного значений (путь на дачу сквозь ветки акации). На основе паронимической аттракции в лирическом отступлении устанавливается ассоциативная связь между звуковой оболочкой данного слова и именем любимой повествователем женщины – Веты. В результате слово «ветка» приобретает следующие контекстуальные значения: «любовь», «прекрасная женщина», «ветка акации», «природа», «железная дорога».

Образное осмысление слова «ветер» происходит в монологе одного из главных героев, в котором оно сначала получает окказиональные значения «легкомыслие», «подвижность» под влиянием ассоциации со словом «ветрогон», затем актуализируются традиционные для этой лексемы метафорические значения «перемены в обществе», «революция», после чего слово обретает новые смыслы – «справедливое возмездие», «высший суд», «воскрешение прошлого».

Слово-символ «река» («Лета»), сохраняя прямое значение, объединяет в себе такие метафорические и окказиональные значения, как «время», «прошлое», «обратный ход времени», «память и забвение», «граница между живыми и мертвыми», «красота природы, способная лишить человека памяти».

Одним из важнейших слов-символов в романе Саши Соколова «Школа для дураков» является «мел». Это слово ассоциативно связано с выражениями «белый как мел» и «бледный как смерть». Значение этого слова формируется в романе под воздействием ассоциаций между ним и указанными выражениями, сами же ассоциации актуализируются мрачным образом «станции Мел», которой посвящен большой отрывок текста. Затем устанавливается ассоциативная связь между этим образом и могильным памятником «меловым (беломраморным) ангелом», а в дальнейшем – с гипсовыми статуями вождей («меловыми стариками»). В результате слово «мел» (как и производное от него прилагательное «меловой»), помимо прямого, приобретает следующие ассоциативно связанные между собой смыслы: «болезненность», «бледность», «подверженность разрушению», «смерть», «тоталитарная система».

Тема тоталитарной системы в романе связана также со словом «снег», которое входит в один ассоциативный ряд со словом «мел»: «бледный как смерть» – «белый как мел» – «белый как снег».

В романе «Между собакой и волком» два слова-символа: «река» («Волчья»), Заволчье – и фразеологизм «между собакой и волком», который также является символом, получают образное осмысление как в посвященных им отрывках романа, так и друг через друга.

Все три символа связаны через внутреннюю форму со словом «волк». В романе актуализируется ассоциативная связь между этим словом и латинским выражением «человек человеку – волк», в результате чего возникает впечатление дикости и враждебности пространства («Заволчья») и времени (реки времени – «реки Волчьей»).

Значение слова «река» здесь сходно с тем значением, которое оно приобретает в романе «Школа для дураков» – «время», «вечность», «граница между бытием и небытием», – но здесь возникает новое окказиональное значение – «время-враг».

Благодаря словам-символам возникают сложные образы, объединяющие ряд разнородных объектов, называемых одинаковыми или сходными «именами». Взаимосвязь значений этих слов определяет своеобразную картину мира повествователя.

Наличие слов-символов становится важным фактором формирования подтекста. Их использование позволяет автору создать особую смысловую перспективу в освещении любого образа романа, так как все они функционируют в сложной системе символов.

Четвертая глава посвящена приемам создания образов персонажей на основе ассоциаций, вызываемых их именами, в романах «Школа для дураков» и «Палисандрия».

Рассматриваются, в частности, имена, происхождение которых связано со словами-символами. Например, происхождение имени Вета Акатова в романе «Школа для дураков» связано со словом-символом «ветка» (ветка акации); происхождение имени Роза Ветрова – со словом-символом «ветер» (роза ветров). В этом случае имя персонажа можно рассматривать как метафору, но правомерно и другое толкование: Роза Ветрова и Вета Акатова представляют собой персонифицированные образы ветки акации и розы ветров.

Имена, связанные со словами-символами, могут играть определяющую роль в осмыслении системы персонажей.

В частности, в романе «Школа для дураков» из-за многозначности слова-символа «ветер» принадлежность имени «Насылающий Ветер» оказывается неопределенной. Это имя является «дополнительным», поскольку три персонажа, называемых им, имеют «настоящие» имена.

Определение принадлежности данного имени является средством осмысления системы персонажей, так как оно объединяет образы, воплощающие разные стороны идеала главного героя.

Анализ имен главных героев в романе «Школа для дураков» показывает асимметричную соотнесенность имен и называемых ими образов: имя Насылающий Ветер имеет нескольких носителей, а повествователь дает себе несколько имен, которыми он заменяет свое «настоящее» забытое имя.

Чаще всего повествователь называет себя «ученик такой-то». Значение местоимения «такой-то» можно истолковать как замену именно его фамилии или имени. С другой стороны, местоимение «такой-то» указывает на то, что весь текст книги может относиться к человеку с любым именем.

Замена имени героя неопределенно-указательным местоимением делает этого героя образом собирательным, что помогает создать впечатление типичности ситуаций, в которых он оказывается.

Болезненность сознания повествователя в романе «Школа для дураков» выражается, главным образом, в раздвоении личности, в постоянном внутреннем диалоге. В том случае, когда повествователь осознает себя как первое и второе «я» одновременно, он заменяет свое имя фразовой номинацией с неопределенно-указательным значением «Те, Кто Пришли».

Данная фразовая номинация в силу своей многозначности позволяет повествователю сохранить «инкогнито» и в то же время определить достаточно ясно истинный смысл образа своего второго «я» – свое поколение.

У героя-повествователя есть еще одно имя, которое он дает сам себе – Нимфея Альба – это латинское название белой лилии. Обретение этого имени связано с важным для главного героя событием – его «частичным исчезновением», потерей человеческой оболочки и социальной роли и превращением в цветок.

Таким образом, имя Нимфея Альба становится словом-символом, объединяющим, помимо прямого значения (белая лилия), такие смыслы, как «еди-

нение с природой» и «независимая от реальной действительности жизнь души героя-повествователя».

Неопределенность образа повествователя, обусловленная болезненностью его сознания, преодолевается множественностью характеристик, выраженных в именах, которые он дает себе сам. Отсутствие «настоящего» имени и необходимость его «замены» становятся одним из приемов конкретизации образа.

Имена персонажей в «Палисандрии» являются средством создания образа истории как мифа, т.е. создания образа некоего мира, в котором стерты временные границы и отсутствуют различия между реальным и нереальным, между людьми и литературными персонажами.

Имя главного героя произведения – Палисандр. Название романа образовано от его имени, подобно названиям древних эпических поэм («Одиссея», «Энеида»). Аналогия с Одиссеем в данном случае важна, поскольку автор осознает свою преемственность по отношению к Дж. Джойсу, использовавшему в качестве названия романа второе имя Одиссея «Улисс».

Имя Палисандра в эпизоде пира у Сталина трансформируется в «Сандро». Палисандр обретает имя героя романа Ф. Искандера «Сандро из Чегема». Изменение имени здесь обусловлено ассоциацией между данной сценой в «Палисандрии» и эпизодом романа Ф. Искандера, пародией на который является данный отрывок.

Фамилия главного героя «Палисандрии» – Дальберг – обусловлена актуализацией прямого значения слова «палисандр» – «красиво окрашенная древесина дальбергии или некоторых других южно-американских деревьев».

В контексте произведений Саши Соколова наиболее важна ассоциация между палисандром и «деревом модернизма», о котором говорит писатель в речи «Ключевое слово словесности». Явные интертекстуальные связи между этими произведениями и совпадения в описаниях «дерева модернизма» и главного героя «Палисандрии» свидетельствуют о том, что образ Палисандра является символом модернизма.

Таким образом, ассоциации, связанные с именем повествователя, помогают автору актуализировать интертекстуальные связи произведения и дать характеристику главному герою.

Подобно героям мифов, персонажи Палисандрии могут иметь несколько имен. Например, фамилии Солоухин и Солженицын в романе принадлежат одному человеку, который в России именуется Солоухиным, а за границей – Солженицыным. В основе объединения двух образов писателей в один лежит звуковое сходство фамилий.

Ассоциация между двумя восточными женскими именами: Джуна и Шагане – приводит к созданию образа массажистки Брежнева Шагане – возлюбленной героя-повествователя. Здесь совмещаются исторические реалии и литературные сюжеты (в сознании повествователя сливаются образы возлюбленной лирического героя стихотворения С. Есенина «Шагане» и реального человека – экстрасенса Джуны).

Смешение представлений о людях и персонажах на основе ассоциаций между их именами в «Палисандрии» указывают на смутность сознания повествователя, поскольку задачей автора здесь является пародирование мемуарной литературы. Он стремится доказать невозможность восстановить в памяти прошлое и показать механизм возникновения мифа.

В заключении сформулированы следующие основные выводы:

1. Прием потока сознания, характерный для произведений Саши Соколова, приводит к фрагментированности и хаотичности повествования. Разорванности неясных картин действительности противостоит слитность образов сознания повествователя, основанных как на внешних впечатлениях, так и на ассоциативных связях слов.

Единство отношения повествователя к ряду объектов и ситуаций выражается в единстве или сходстве их «имен». Таким образом, возникает или актуализируется диффузность значений слов, которые становятся общими именами для ряда образов. Вместе с тем образы сознания повествователя благодаря объединенности через общие или сходные имена приобретают неопределенность и многозначность.

Этот прием позволяет реализовать характерное для многих постмодернистских авторов стремление сделать язык главным действующим лицом произведения.

2. Основным приемом формирования диффузных значений слов в произведениях Саши Соколова является актуализация полисемии. Этот прием лежит

в основе языковой игры, направленной на формирование двойственного смысла слова под влиянием ближайшего контекста, содержащего грамматические ассоциации, реализующие разные значения многозначного слова. При этом в ряде случаев достигается слияние двух смыслов многозначного слова благодаря актуализации дифференциальных признаков, общих для обоих значений.

Более частотными представляются экспериментальные словосочетания, в которых реализуется лишь одно из значений многозначного слова или значение одного из омонимов при сохранении оттенка другого значения. В подобных экспериментах ярко проявляется характерное для идиостиля Саши Соколова осмысление звуковой оболочки слова как точки пересечения разных значений.

3. Другим важным приемом актуализации диффузности значения слова является паронимическая аттракция. Звуковые повторы способствуют взаимовлиянию значений паронимов. Нанизывание паронимов, близких по семантике, характерное для ряда перечислений, при помощи которых повествователь передает свое восприятие абстрактных понятий и обобщенных образов, способствует созданию впечатления единства восприятия повествователем сложных объектов.

4. Формальное, звуковое совпадение слов и несхожесть означаемых, очевидные при актуализации омонимии, являются средством установления ассоциативной связи между означаемыми, но и свидетельством «отрыва» знака от означаемого, произвольности, необязательности связи между ними. Демонстрацией этого отрыва объясняется переосмысление звукоподражаний, максимально связанных с означаемым: автор соотносит одно и то же звукоподражание с несхожими звуками и пытается придать им семантику, сделать их омонимами; с другой стороны, он использует различные высказывания в функции звукоподражаний.

5. Важным фактором, определяющим непредсказуемость значений слов в произведениях Саши Соколова, является создание новых омонимов как на основе переосмысления внутренней формы слова, так и на основе развития значений многозначных слов в контексте романа и обретения ими новых синонимов. В первом случае этот прием направлен на демонстрацию непредсказуемо-

сти значений производных слов; во втором случае создание новых омонимов приводит к формированию слов-символов.

6. Слова-символы играют особую роль в структуре романов «Школа для дураков» и «Между собакой и волком». Их образы формируются на основе поэтического осмысления единства нескольких значений ключевых многозначных слов и их новых контекстуальных значений. Осмысление этих слов неразрывно связано с раскрытием картины мира повествователя, которое придает единство хаотичному и разорванному повествованию. В связи с этим раскрытие значение слов-символов представляется фактором, организующим и определяющим структуру романов «Школа для дураков» и «Между собакой и волком».

Стремление «идти от звука к смыслу» определяет особое внимание автора именно к звуковой, материальной близости слов, использование ее как базы для развития ассоциаций. Вместе с тем следует отметить актуализацию семантических ассоциаций при формировании значений слов-символов.

7. В романе «Палисандрия» объединение разных значений омонимов и многозначных слов получает иное развитие. Сходство и различия значений, связанных с одной и той же звуковой оболочкой, приводят к смешению различных понятий и представлений в сознании повествователя, в результате чего в романе возникают комические или гротесковые образы, объединяющие в себе часто несовместимые черты.

8. Роль ассоциативных связей слов оказывается определяющей в создании образов персонажей в случае, если их основными характеристиками являются их имена.

Часть имен персонажей в романе «Школа для дураков» связаны со словами-символами паронимической аттракцией или через внутреннюю форму. В связи с этим образы персонажей и поэтическое осмысление слов-символов образуют единство, и представление о персонаже формируется на основе представления о значениях слова-символа.

Имя персонажа может также являться самостоятельным словом-символом, т.е. получить образное осмысление.

В случае, если именем персонажа оказывается существительное нарицательное, местоимение или фразовая номинация, актуализируются диффузность

значений этих имен, в результате чего образ персонажа приобретает неопределенный и обобщенный характер.

Герой может иметь несколько имен, характеризующих его с разных сторон. В этом случае имена оказываются основным средством создания образа персонажа и его конкретизации (если образ персонажа представляется неопределенным).

С другой стороны, одно и то же имя может принадлежать разным героям; так подчеркивается сходство их восприятия повествователем и родство этих образов.

9. Ассоциации, вызываемые именем персонажа, могут быть связаны как с контекстом романов, так и с общекультурным контекстом, с представлениями об исторических личностях, с образами других литературных произведений.

Трансформация некоторых имен (Палисандр-Сандро) помогают актуализировать интертекстуальные связи произведения.

Использование имен исторических лиц и литературных персонажей, смешение имен и фамилий из-за звукового сходства (Солоухин-Солженицын) или на основании других ассоциаций в «Палисандрии» помогают созданию образа истории как мифа, и позволяют иронически переосмыслить определенные исторические факты, выразить отношение автора к творчеству некоторых писателей.

10. Образ повествователя, носителя расстроенного сознания, присутствующий во всех романах Саши Соколова, помогает писателю психологически обосновать характерное для постмодернизма смешение разнородных стилистических единиц, включение в речь повествователя трансформированных цитат. Этот прием позволяет автору дать прецедентным текстам ироническое освещение.

Трансформация цитат в некоторых случаях определяется звуковыми ассоциациями и тесно связана с приемом паронимической аттракции.

11. Разнообразие цитируемых текстов в романах Саши Соколова указывает также на сложность, неоднородность образа повествователя. Трансформированная цитация, как и другие приемы языковой игры, является свидетельством языковой компетенции героя-повествователя, характеризует его как творческую личность.

12. Анализ интертекстуальных связей произведений Саши Соколова показывает характерное обращение к одним и тем же текстам, авторам, авторитетам, несмотря на разнообразие цитируемых или пародируемых произведений.

Цитаты и аллюзии к тем же текстам и авторитетам присутствуют в произведениях других авторов-постмодернистов: в частности, характерное для Саши Соколова ироническое переосмысление библейских притч, трансформированные цитаты и аллюзии к произведениям А.Н. Радищева, И.С. Тургенева, М. Горького, Б.Л. Пастернака встречаются в поэме «Москва–Петушки» Вен. Ерофеева; использование цитат из произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского характерно для таких писателей и поэтов, как А. Битов, Ю. Малецкий, В. Пелевин, Л. Рубинштейн, А. Еременко и др.

13. Характерной для современной литературы тенденцией является стремление многих авторов изменить процесс чтения, разрушить привычные синтаксические связи, по-новому осмыслить целостность высказывания, предложения, слова. Одним из проявлений этой тенденции является прием устранения пунктуации в некоторых монологах в романе «Школа для дураков», позволяющий передать впечатление от излишне быстрой, насыщенной ненужными деталями речи или изобразить нерасчлененность, неупорядоченность сознания повествователя.

14. Затрудненность коммуникации, вызванная хаотичностью повествования, компенсируется «разъяснениями» значения некоторых образов и приемов в речах и эссе, в которых автор говорит уже не от лица повествователя, а вступает в непосредственное общение с читателем.

15. Использование приема потока сознания и актуализация ассоциативных связей слов связаны со стремлением автора продемонстрировать противоречивость сознания, влияние на него разнонаправленных ассоциаций, субъективность в восприятии действительности, обусловленные противоречивостью языкового знака: множественностью значений слов и единством их звуковых оболочек, возможностью представления в производных словах разных понятий, семантическими преобразованиями слов в результате паронимической аттракции.

Вместе с тем трансформация внешних впечатлений в сознании повествователя под влиянием ассоциативных связей слов и формирование на их основе новых образов демонстрируют творческий характер языкового сознания.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях.

1. Актуализация полисемии и паронимии в прозе Саши Соколова // Семантика слова, образа, текста: Тезисы международной конференции. Архангельск: Изд-во Поморского международного педагогического университета им. М.В. Ломоносова, 1995. - С. 9-10 (0,1 п.л.).

2. Актуализация омонимии, создание новых омонимов в произведениях Саши Соколова // Теоретические и прикладные аспекты риторики, стилистики и культуры речи: Тезисы конференции молодых ученых России. – Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1995. - 0,1 п.л.

3. Языковая игра в произведениях Саши Соколова // «Язык как творчество»: К 70-летию В.П. Григорьева: Сборник научных трудов. Москва: Институт русского языка РАН, 1996 - С. 276-283 (0,5 п.л.).

4. Слова-символы в романах Саши Соколова. Депонировано в ИНИОН РАН № 55071 от 25.10.99. – С. 1-44 (2 п.л.).

5. Изменение границ слова и предложения в современном художественном тексте // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды X межвузовской научно-практической конференции (Бийск, 16-17 мая 2005 г.). – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. – С. 60-63 (0,15 п.л.).